

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ФСБ
ЗА ЛУЧШЕЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ

Агент «НИКТО»

ЕВГЕНИЙ ТОЛСТЫХ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Толстых, Евгений Александрович.

Т52 Агент «Никто» / Толстых Евгений Александрович. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-095414-8

За повесть «Агент «Никто» Евгений Толстых был удостоен звания лауреата премии ФСБ России за лучшее произведение литературы 2006 года. Свое журналистское и писательское мастерство он оттачивал в должности пресс-секретаря аппарата Совета безопасности, руководителя пресс-службы Исполкома СНГ. Позже работал на телевидении автором и ведущим цикла «Отдел Икс» еженедельной программы, построенной в жанре телевизионных расследований. Автор политических бестселлеров «Кулисы приоткрылись», «Лаврентий Берия, оболганный Герой Советского Союза», «Пятая колонна» и других.

В марте 1944 года Абвер забрасывает в район Андреаполя Калининской области диверсионную группу. Поблуждав в лесах несколько дней, диверсанты сами сдаются органам госбезопасности. Смершевцы решают воспользоваться ситуацией и начинают с Абвером радиоигру. Однако немцы относятся к ней настороженно. Для проверки они забрасывают в наш тыл еще одну группу под командованием своего агента Кравченко. А дальше происходят странные и необъяснимые события, которые вынуждают историков и по сей день сомневаться, является ли Кравченко тем человеком, за которого себя выдавал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Толстых Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095414-8

События, происходящие в романе, во многом документальны, а персонажи — не вымышлены. Впрочем, не обошлось без авторской фантазии, иначе то, что вы держите в руках, называлось бы по-другому, например, документальной повестью.

В центре романа — судьбы и характеры людей, оказавшихся по разные стороны видимого и невидимого фронта Великой Отечественной войны. Речь идет о противостоянии двух спецслужб — советской контрразведки «Смерш» и немецкого абвера.

Стараясь не мешать вам вместе с героями повествования преодолевать «сюжетные рифы», я время от времени буду позволять себе небольшие авторские ремарки, единственная цель которых — напомнить вам об особенностях времени, в котором разворачиваются события романа. Это — первая ремарка. О «Смерш», который в последние годы некоторые «исследователи» отечественной истории пытались представить как цепь заградительных отрядов, стреляющих в спину красноармейцам.

19 апреля 1943 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 415-138 Управление Особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш» Наркомата обороны СССР. Почти два года кровопролитной, жестокой войны понадобилось высшему военно-политическому руководству страны,

чтобы осознать необходимость создания особой службы, способной противостоять натиску разведывательно-диверсионных команд гитлеровской Германии, начавших активные действия накануне вооруженного вторжения в СССР.

За неделю до начала операции «Барбаросса» на территорию, прилегающую к государственной границе Советского Союза, поодиночке и целыми группами стали проникать агенты вермахта, переодетые в форму солдат и офицеров Красной Армии, владеющие русским языком и снабженные необходимыми документами. Они должны были сеять панику в воинских формированиях и среди мирного населения, способствуя дезорганизации линии обороны и тыла Красной Армии; разрушать коммуникации (мосты, железнодорожные пути, каналы телефонно-телеграфной связи), уничтожать объекты снабжения и жизнеобеспечения советских Вооруженных Сил и гражданского тыла. На многих участках фронта, возникшего утром 22 июня 1941 года, действия немецких диверсионно-разведывательных групп нанесли значительный урон частям Красной Армии. Так, перед самым началом артиллерийской подготовки в приграничном Бресте и на железнодорожной станции погас свет, вышел из строя водопровод. До сих пор военные историки не могут внятно объяснить, почему гарнизон Брестской крепости был вынужден обороняться, укрывшись за стенами старинной цитадели, тогда как к лету 41-го вдоль западной границы по проектам генерала Д.М. Карбышева были построены мощные современные фортификационные сооружения.

Агентура противника орудовала сначала в прифронтовой полосе, а потом и в советском тылу, не опасаясь разоблачения. Дело в том, что согласно Приказу Наркомата обороны СССР № 171, изданному в 1940 году, для военнослужащих Красной Армии предусматривался единый документ — красноармейская книжка. Однако в соответ-

ствии с пунктом № 7 того же Приказа в действующей армии такая книжка не вводилась. Младшие командиры и рядовые бойцы, участвовавшие в боях с немцами, не имели документов! Это привело к тому, что в начале войны в число выходявших из окружения советских воинов внедрилось немало солдат гитлеровского полка (с 1942 года — дивизии) специального назначения «Бранденбург 800», приписанного к абверу. К тому времени германский спецназ, которым командовали сначала генерал-майор Пфульштайн, затем генерал-лейтенант Кюльвейн, обладал богатым оперативным багажом, целый батальон «бранденбуржцев» был укомплектован солдатами и офицерами, владеющими русским языком. Действия этого подразделения нанесли Красной Армии огромный вред.

В октябре 1942 года Наркомат обороны Приказом № 330 обязал интендантские службы в 15-дневный срок изготовить и обеспечить действующую армию документами, удостоверяющими личность. Однако до конца 1942 года в большинстве подразделений красноармейские книжки так и не появились. Это давало возможность вражеским агентам почти свободно передвигаться в зоне боевых действий и в тылу наших войск.

Тем не менее сотрудникам НКВД удавалось выявлять, задерживать или уничтожать значительную часть засылаемой в наш тыл немецкой агентуры. После поражения под Москвой немецкие разведорганы начали применять тактику массовой заброски разведчиков и диверсантов за линию фронта. Агентов вербовали в основном из числа военнопленных. Завербованные проходили необходимый инструктаж и переправлялись в прифронтовую полосу. Уровень подготовки «шпионов» был чрезвычайно низок, ставка на «массовость» не позволяла проводить тщательный отбор, внося в список лишь явно антисоветски настроенных кандидатов, людей, интеллектуально и физически способных выполнять задачи разведывательно-террористиче-

ского характера. В итоге с июня по декабрь 1941 года Особыми отделами НКВД СССР было арестовано: 2343 шпиона, 669 диверсантов, 4647 изменников.

С лета 1942 года командование вермахта начинает более ответственно подходить к подготовке агентуры, действующей на Восточном направлении. В тылу, параллельно линии фронта, создаются разведывательно-диверсионные школы: в Ванно-Нурси (Эстония), в Минске, Витебске, Борисове, Смоленске, Орле, Полтаве, Конотопе, Запорожье, Крыму. В каждой из них — сотни курсантов: их учат собирать информацию, закладывать взрывчатку, вести пропагандистские беседы. Конечно, за 2—3 месяца занятий можно овладеть лишь азами «шпионского» ремесла, но «выпускники 1943-го» уже не похожи на «ширпотреб 1941-го».

И это поняли в Москве. Весной 1943-го заместитель Председателя Государственного комитета обороны, Нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия вызвал начальника Управления Особых отделов НКВД. Комиссару госбезопасности 2-го ранга Виктору Абакумову было предложено возглавить новую структуру — Главное управление контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам!»).

21 апреля 1943 года ГКО утвердил положение о Главном управлении контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО СССР. ГУКР входило в состав ГКО, начальник ГУКРа являлся заместителем Наркома обороны и подчинялся непосредственно И.В. Сталину. Правда, через месяц Абакумов был освобожден от должности заместителя Наркома обороны, но это не означало, что между ним и Сталиным появились промежуточные начальники: «Смерш» «замыкался» на Верховного.

Заместителями Абакумова были назначены генерал-лейтенанты Н. Селивановский (разведывательная работа), И. Бабич, П. Мешик, все — кадровые сотрудники органов ОГПУ—НКВД с большим опытом практической работы.

Задачи, поставленные перед «Смерш», мало отличались от направлений работы Особых отделов: борьба со шпионажем, диверсиями, террором и другими видами подрывной деятельности противника и его агентуры; выявление антисоветских элементов, дезертиров, членовредителей; проверка военнослужащих, бывших в плену или окружении.

Структура «Смерш» — 77 отделов:

1. Агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны. (Теперь понятно, почему между Абакумовым и Сталиным не было промежуточных звеньев.)

2. Работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или окружении.

3. Борьба с немецкой агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии.

4. Работа в тылу противника по выявлению агентов, забрасываемых в части Красной Армии.

5. Руководство работой органов «Смерш» в военных округах.

6. Следственный отдел.

7. Отдел оперативного учета и статистики.

8. Отдел оперативной техники.

9. Отдел обысков, арестов и наружного наблюдения.

10. Отдел «С», работающий по особым заданиям.

11. Шифровальный отдел.

В центральном аппарате ГУКР «Смерш» работало 646 человек.

Сотрудников контрразведки можно было встретить в каждом фронтовом подразделении, в структурах тыла. Им противостояла хорошо отлаженная машина шпионажа, диверсий и террора гитлеровской Германии. Среди агентов абвера и СД встречались весьма серьезные противники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ПСИХ

— Вань! Слышь, Иван! Да брось ты это ружье, успеешь еще наиграться. Ты мне лучше про Москву расскажи.

Иван, молоденький боец, в 14 лет безуспешно пытавшийся сбежать на фронт, но надевший военную форму, когда уже отгремели залпы победного салюта, нехотя отложил новенький карабин, полученный им только вчера взамен допотопного «мосина», и с досадой вздохнул. Вот уже месяц они с ефрейтором Вьюгиным охраняли участок железнодорожного полотна, соединяющего Минск с районным центром Смолевичи. Жили в придорожной будке, по документам значащейся как «блокпост № 722 километр». Раз в сутки дежурный по кухне привозил им завтрак-обед-ужин; раз в неделю их подменяли на пару часов, отпуская в баню, — все остальное время личный состав блокпоста делил на двоих. Ефрейтор Николай Вьюгин, 22-летний крепыш из Ярославля, успевший хватить фронтового лиха, о чем говорили позвякивающие на груди медали «За отвагу» и «За победу над Германией», был из категории внимательных слушателей. Не стеснялся спрашивать, если чего не знал. А не знал многого: «За три года в нашей школе я только букварь и успел изучить, перед тем как пустить его на самокрутки. А там уж академия по имени “война” образо-

ывала...» — посмеивался Вьюгин и заставлял напарника, считавшегося «столичной штучкой», пополнять багаж знаний.

— Да я в Москве был всего-то два раза, и то с экскурсией, — в очередной раз попытался увильнуть от «басен» Иван, проживший всю свою недлинную жизнь в Серпухове.

— Вот, Вань, так ты всегда. Не хочешь по-хорошему. Тогда давай по всей форме. Рядовой Марков, доложите обстановку!

Иван чертыхнулся, застегнул верхнюю пуговицу гимнастерки и поднес ладонь к краю пилотки:

— Докладывает боец 152-й роты войск МВД красноармеец Марков. 12 мая 1946 года за время моего дежурства в районе блокпоста № 722 никаких происшествий не произошло. Подозрительных лиц не замечено.

— Опять ты не прав, красноармеец Марков.

— Это почему?

— А ты оглянись.

...Вырезав своим силуэтом на диске заходящего солнца какой-то неуклюжий контур, к блокпосту со стороны Минска приближался человек. По очертаниям можно было догадаться, что это мужчина, что дорога дается ему нелегко — он то и дело соскальзывал с насыпи, снова взбирался на нее, словно боялся потерять из виду матово поблескивающие рельсы. Через пару минут, по мере приближения к посту, портрет «путешественника» стал более отчетливым. На вид ему было лет 30, высокий, с покатыми плечами. На нем были старые немецкие армейские штаны; несуразные, разбитые вдребезги ботинки без шнурков, какая-то деревенская куртка, ровесница Первой мировой войны, и замасленная, с полоторванной звездой буденновка.

— У вас там в Минске что, бал-маскарад объявили в честь первой годовщины победы над немецким фашизмом? — съязвил Вьюгин, оглядывая гостя.

— Можно мне присесть? — произнес незнакомец хрипловатым голосом и, не дожидаясь ответа, побрел к стоящей под окнами будки самодельной скамейке, бормоча вполголоса:

Вечер был, сияли звезды,
На дворе мороз трещал,
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Путешественник» устало опустил на скамейку и молча повернул лицо к Вьюгину.

— Ты кто будешь, дядя? — стараясь казаться строгим, спросил немного обескураженный Вьюгин.

— Никто, — и глухо продекламировал: — Никто. Пришел ниоткуда. Иду в никуда, — произнес странный человек.

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник одинокий;
У ног колчан, в руке весло.

— А документы, гражданин, у вас какие-нибудь имеются? — спросил Марков, стараясь направить диалог с незнакомцем в привычное для себя русло.

— Документов у меня нет. Нет...

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, —
и канули в вечность года,
Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было.
Может быть — никогда...

Незнакомец вытянул ноги и лениво прикрыл глаза.

— Так, гражданин, а ну встать! Здесь охраняемая территория, а не районный клуб, — разразился Вьюгин. — Ваши документы!

Вьюгин терял терпение: во-первых, литературные упражнения незнакомца поневоле напоминали ему о недостатках трехклассного образования, а во-вторых, и в-главных, этот явно странный тип не подчинялся ему, ефрейтору МВД при исполнении им служебных обязанностей!

— У меня нет документов, но я все о себе расскажу. Зовут Борис Иванович Сорокин. Родился в 1922 году в Москве.

Вьюгин стрельнул глазами в сторону Маркова, дескать — землячок твой.

— Меня из больницы отпустили, — продолжал назвавшийся Сорокиным, — из Минской психиатрической. Лечился я там. А теперь отпустили. Иду в Загорье. Это недалеко от Смолевичей. Там живут дальние родственники, надеюсь, они помогут мне добраться до Москвы. Вы чего-нибудь поесть не дадите?

Марков вопросительно посмотрел на Вьюгина, тот кивнул. Иван пошел в будку, где в старом вычищенном ящике из-под патронов они хранили «неприкосновенный», время от времени обновляемый запас продовольствия — краюху хлеба и пяток вобл.

Через оконное стекло было видно, как солдат достал из-под стола заветный ящик, извлек оттуда пару рыбин, раскрыл складной нож, примерился отрезать ломоть серого хлеба. Неожиданно «путешественник» натренированным пружинистым движением выбросил вперед казавшееся расслабленным и немощным тело и бросился бежать. На мгновение Вьюгин оторопел от такой перемены в поведении Сорокина, но лишь на мгновение. В два прыжка он догнал беглеца и повалил его на землю.

— Ты куда, псих? А ужинать передумал?

Подоспевший Марков помог поднять Сорокина, обыскать и отвести в будку. Дверь заперли на щеколду, Марков положил на колени новенький карабин и сел напротив гостя. Вьюгин крутанул ручку старенького полевых телефона, ими оснастили блокпосты вдоль железной дороги, связав их со штабом роты.

— Дежурный! Дежурный! Это 722-й блокпост, ефрейтор Вьюгин. Мы тут задержали одного... Странный какой-то. Нет, без оружия. Документов тоже нет. Говорит, отпущен из психбольницы. То ли на побывку, то ли насовсем, хрен его поймет... Да нет, он не прикидывается, он и вправду псих — все стихи какие-то рассказывает. Говорит, идет в Загорье, это километров восемь отсюда... Отпусти его, он по дороге кому-нибудь башку свернет... Буйный, бежать пытался... Кто приедет?.. Добро, ждем! Конец связи.

Примерно через час к блокпосту подкатили два автоматчика на трофейном NSU с коляской. Сорокина погрузили в люльку. И через полчаса его заперли в пустой камере местного отделения милиции. Утром он сидел в кабинете уполномоченного Смолевичского райотдела МВД лейтенанта Костина.

— ...Зачем бежал-то? Если тебя из больницы отпустили, мы сейчас туда позвоним, уточним, заставим тебе справку дать — и пойдешь спокойно в свое Загорье, даже подкинем на попутке, — участливо сказал лейтенант и потянулся к телефону.

— Не звоните, не надо! — забеспокоился Сорокин. — Я не псих. Так, поморочил немного ребятам голову. Пишите протокол. Моя фамилия действительно Сорокин, зовут Борисом Михайловичем. Родился в Москве. Лет до 13 беспризорничал. Потом детдом. Вы не были в Москве? Там есть такая улица, Матросская Тишина. На этой улице — детдом.

А потом я оказался далеко от Москвы, в Киргизии. Вы не были в Киргизии? Во Фрунзе? Там в 1939 году я был осужден по статье 162 к пяти годам лишения свободы. Мне было 17 лет.

Срок мотал в Самарлаге, в 30 километрах от Куйбышева, работал на участке Красная Глинка, строил плотину гидроэлектростанции. Летом 1943-го из лагеря бежал, бродяжил без документов, жил случайными заработками... Иногда подворовывал. В 1944-м меня задержали под Воронежем и вернули в тот же лагерь, откуда бежал. Кантовался я до осени 1945-го. Потом опять бежал... Куда? А куда глаза глядят. Услышал, что в Белоруссии можно подкормиться, работенку найти. Но попался! Готов нести наказание по всей строгости закона. В Самарлаг так в Самарлаг. Оформляй, начальник... Я подпишу.

Костин подмахнул протокол, вызвал конвоира, бросил: «С этим все ясно, в камеру», — и вышел в коридор.

Время шло к обеду. До войны в небольшой столовой, что неподалеку от райотдела, можно было попить пивка, завезенного из Минска. Немцы забегаловку не тронули, сами там потягивали шнапс, а когда отступали, в спешке даже оставили кое-что из запасов. Конечно, наши передовые части основательно почистили сусеки общепита Третьего рейха, но мебель и кое-какой европейский антураж уцелели, а пиво в начале весны 46-го стало почти не в диковинку. Так что в обед можно было встретить там большую часть сотрудников районной милиции. Костин заглянул в соседний кабинет, чтобы прихватить кого-нибудь из свободных оперов в попутчики, и нарвался на начальника отдела.

— Какого хмыря к тебе вчера привезли? — мимоходом спросил тот, похоже, не рассчитывая на подробный ответ.